

Андрей Добролюбский

«Будь счастлив!»*

غلتق / وسلوب ن

Примерно в это же время, понимая, что в столице находиться небезопасно, Мамай вместе с семьей Бердибека бежит из Сарая в Азак, который находился на территории отцовского тумана – Крыма и Приазовья. Наверное, это было согласовано с Кутлуг-бугой.

Казалось бы, избавившись от Могул-буги и Тайдулы, Кутлуг-буге удалось решить все свои проблемы и вернуть себе пост «эмира над эмирами». Но ханская чехарда только разгоралась и оказалась ему неподконтрольной. Через некоторое время, в августе 1361 г., в результате заговора, возглавленного старшим сыном Хызра Тимур-Ходжой, «...убиен бысть кроткий и смиренный хан Хидырь с меньшим сыном своим Кутлуем от большего сына своего Темир-Ходзи».²⁰ И Кутлуг-буга снова остается без вожделенной должности.

Между тем в это же самое время в Гюлистане провозгласил себя ханом брат (или сын?) убитого Хызра Мюрид. Но ведь Мюриду Кутлуг-буга совершенно ни к чему – там распоряжаются враждебные ему эмиры Кок-Орды. И тогда он и обращается за помощью к Мамаю, который, при его поддержке на 11 день после убийства Хызр-хана и через неделю после начала правления Тимур-Ходжи (то есть почти сразу же после получения известия о перевороте) поднимает мятеж против него и изгоняет из Сарая. Всего пять недель продержался Тимур-ходжа у власти, потом бежал... и был убит. Тот же Муир ад-Дин Натанзи сообщает, что

* Окончание. Начало в кн. 85.

«...у него была сильная склонность к распутству и нечестию... Однажды ночью он пошел в дом одного из знатных и без всякого предисловия протянул руку к его жене. Жена, думая, что это другой посторонний, подняла крик, этот знатный, не узнав, ударил его ножом и убил». Так Тимур-Ходжа «тую ж чашу испи, ею же напои отца своего Хидыря и брата своего меньшаго Кутлуя».

А победивший Мамай уже без какого-либо согласования с отцом провозглашает ханом малолетнего Абдуллаха, «отрока из потомства Узбека», и сам становится его беклярибеком.²¹

Между тем, со своей стороны, эмиры левого крыла, которых Мамай решительно не устраивал, после гибели Тимура-Ходжи призвали «на свое царство брата хана Кок-Орды Чимтая по имени Орду-Мелик с несколькими огланами». И в это же самое время Мюрид, сидевший в Гюлистане, готовит захват Сарая. Тогда Мамай, взвесив свои силы, снова уходит в Приазовье и в Крым. Столицу – Новый Сарай – занимает Орду-Мелик и правит весь сентябрь 1361 г. А Мюрид тем временем копит силы и готовится на него напасть.

Но не успевает этого сделать. Потому что Орду-Мелика неожиданно зарезал «...один из неизвестных и недалеких людей... среди ночи одним ударом ножа покончил его дело. Наутро, когда эмиры узнали об этом, то по его ложному указанию казнили несколько невинных эмиров».

А уже октябре 1361 г. совершенно внезапно и для Мюрида, и для Мамаея возникает еще один претендент на престол – некто Кильдибек, который тоже выдавал себя за сына Джанибека, чудом уцелевшего в братоубийственной резне, устроенной Тоглубаем и Бердибеком.

Монета Абдуллаха

Этот Кильдибек (по слухам, бастард Джанибека) получил тайную материальную поддержку от венецианского консула в Азаке, собрал и вооружил армию и восстал в Азаке. Его беклярибеком стал сын Тоглу-бая Яголдай (Яглы-бай), мечтавший отомстить Кутлуг-буге и Мамаю за убийство своего отца. *«Все говорили: «Кильдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!»* – тем не менее поддержали его притязания. Ибо, *«...дабы дела царства не расстроились, эмиры, согласившись (между собой), возвели на трон царства неизвестного человека под предлогом, что он Кильдибек, сын Джанибек-хана»*. Никого из правивших после Джанибека ханов он законным не признавал. Кроме себя. Видимо, потому, что само его имя «Кильди + бек» истолковывается как «он [ребенок] пришел [в этот мир] правителем».²²

Воссев на сарайский престол, Кильдибек задержался на нем сравнительно долго – до осени 1362 г. И он *«счел порукой своей жизни гибель эмиров, тайно вызывал каждого из них и заставлял заниматься покушениями друг на друга...»* и потому *«добываясь государства Воложского, многи побил»*²³.

Рождение «Мамаевой орды». А Мамай был вынужден отступить из Сарая. Если вчувствоваться в его положение, то он, видимо, ощущал, что справиться с Кильдибеком и Мюридом одновременно ему вряд ли по силам. И той же осенью 1361 г. он вместе с бывшей ставкой Бердибека и со своей *«Ордой и царицы вси съ нимъ»* перебрался на правый берег Волги, а затем проследовал до резиденции Кутлуг-буги в Крыму. Он решает не суетиться, переждать зиму, набрать силы для продолжения борьбы за «высокое место» – улуг-орун (ханский трон). Но уже в ранге беклярибека у «собственного» хана Абдуллаха. Этим он фактически отодвинул своего отца Кутлуг-бугу от дел, чем тот вряд ли был очарован.

После смерти Бердибека Мамай оставался хранителем ханской ставки (орды), то есть прежде всего семьи и личной казны Бердибека. В этом своем качестве он устраивал, видимо, всех «законных» джучидов, бившихся между собой за престол в Сараях. Возможно, это помогло ему выжить в вакханалии их кровавых разборок. Он ухитрился усидеть целым и невредимым на своем месте при дворах последовательно сменявших друг друга Кулпы,

Сражение. Миниатюра XIV в.

Наврुза, Хызра. Он мог опираться на Кутлуг-бугу как правителя Крымского тумена и предводителя всех эмиров правого крыла Золотой Орды. Тогда такая поддержка отца была ему выгодна и необходима.

Сейчас же перестал в ней нуждаться. И отец стал ему помехой, поскольку формально тот сохранял все регалии и титулы старшего эмира. Поэтому он решает создать свою собственную ставку (или ставку Абдуллаха), совместив ее с бывшей ставкой Бердибека. И избирает для нее урочище в долинах рек Днепра и Конки, именуемое Великим Лугом (Улуг Чаир).

Это место было прекрасно защищено – низины с труднопроходимой растительностью, – идеально приспособленное как убежище, скрытое в днепровских плавнях среди бесчисленных речных протоков, болот и озер. Великий Луг начинается около левого берега Днепра напротив острова Хортица, его длина по течению Днепра составит более сотни километров, ширина – от 3 до 20 км, площадь более 1000 кв. км. С ранней весны до наступления лета значительная часть Великого Луга покрывалась водой,

за исключением отдельных участков. Ныне он почти полностью затоплен водами Каховского водохранилища. Эта местность изобиловала также удобными бродами и переправами, что весьма важно для перемещения войск. Здесь же большое количество песчаных участков – кучугуров. На одном из них – Великих Кучугурах, в центре своей новой ставки, Мамай строит несколько монументальных кирпичных зданий, в том числе и монетный двор. Город им назван Орду, или Шехр, с эпитетами аль-Муаззан («Величественный»), аль-Джедид («Новый») или Урда-Базар и пр. И при этом, будучи фактическим, а не номинальным хозяином правого крыла Золотой Орды, он также позволяет себе обустроить собственную резиденцию в Солхате (Старый Крым) и начинает обносить ее каменными стенами.²⁴

Мятеж Кутлуг-буги. Если попытаться воссоздать обусловленность и последовательность событий 1362 г., то нетрудно увидеть, что Кутлуг-бугу – старшего эмира правого крыла (на правах беклярибека) еще со времен того же Бердибека – поведение Мамаю никак не устраивало. Но поделаться он ничего не мог и всю зиму 1362 г. был вынужден смиренно терпеть, как Мамай оттесняет его от власти и совершенно перестает с ним считаться. Разумеется, Кутлуг-буге нужно было как-то от него избавиться.

Все могло решиться само собой, если бы удалось снова отправить Мамаю из Крыма на Волгу, где он вполне может погибнуть. Лучший способ для этого – снова натравить его на Кильдибека и Мюрида. Тем более что это соответствовало чаяниям самого Мамаю. Поэтому Кутлуг-буга «по-отечески» всячески и во всем содействует Мамаю в организации и снаряжении войска, обеспечивает денежную поддержку генуэзцев Кафы.

Поэтому весной 1362 г. Мамай отправляется с этим войском против Кильдибека и уже летом изгоняет его из Сарая. Разбитый Кильдибек бежал и исчез. Его беклярибек Яголдай переметнулся к Мюриду.

Но вскоре, уже в сентябре того же года, на Мамаю, захватившего Сарай, нападает Мюрид. Во время сражения с ним двоюродный брат Мамаю Ильяс, сын Могул-буги, со своей конницей переметнулся на сторону Мюрида и обеспечил Мюриду победу. И он изгоняет Мамаю из Сарая.

Здесь, пожалуй, при полном отсутствии источников и каких-либо внятных конкретных сведений нам снова остается лишь использование герменевтической методики. Если попытаться вчувствоваться, или войти в положение Кутлуг-буги, то очевидно, что перед ним открылась заманчивая и реальная возможность поднять мятеж против ослабленного Мамая. Другие эмиры правого крыла тоже роптали – те же Хаджибей и Дмитрий помимо своих улусов имели также тумены в самом Крыму. Естественно, именно они и составили заговор против Мамая с его Абдуллахом. Но для этого заговорщикам нужен был собственный «законный» хан. Где же его взять?

Между тем достоверно известно, что имя «исчезнувшего» Кильдибека появляется монетах Янги-Шехра (или Шехр

Конное сражение . Миниатюра XIV в.

Монеты Кутлуг-Болсун «Будь счастливи!»

ал-Джедида – «Нового города»). Это городище в Старом Орхее, в Прутско-Днестровском междуречье, в долине реки Реут, в тогдашних владениях эмира Дмитрия. Это означает, что к 1363 г. Кельдибек со своим «походным» монетным двором там очутился сразу же после битвы при Синих Водах. Значит, побежденные в ней мятежники бежали именно сюда. В это же самое время в Костештах, по соседству со Старым Орхеем, появляются монеты, которые помечены штемпелем Кутлуг-буги с легендой «Кутлуг болсун», что переводится как «Кутлуг позволяет» (*кыпчакск.* «*bolsun*» – «*позволено*», «*пусть будет*», «*да будет так*») ²⁵. А это значит, что Кильдибек бежал сюда вместе с Кутлуг-бугой. Единовременное функционирование на соседних городищах монет Кильдибека

с контрамарками Кутлуг-буги указывает на их совместное управление этой территорией после Синеводского сражения.

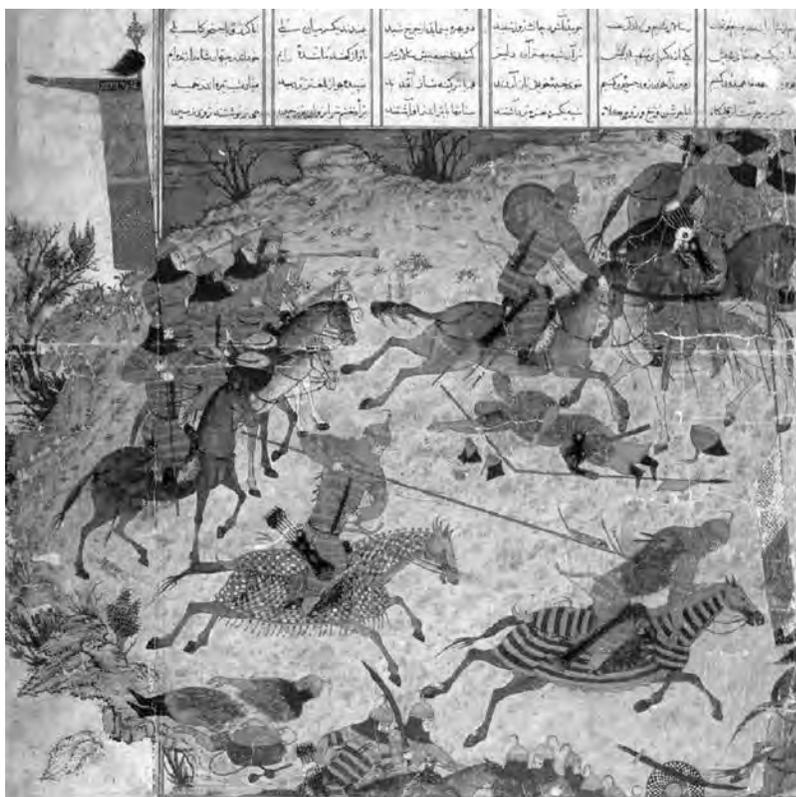
Получается, что проигравший битву Мамаю Кильдибек никуда не пропал, а бежал прямо «в объятия» Кутлуг-буги, с которым они неожиданно друг для друга оказались естественными союзниками. Ведь именно тогда Кутлуг-буге остро понадобился какой угодно, но «законный» хан. Кильдибек, не оставлявший надежду снова захватить власть, оказался идеальной кандидатурой. Таким образом, мятежники сумели обрести «законного» хана, а сам Кутлуг-буга стать его беклярибеком. Нужно только войско, чтобы расправиться с ослабленным Мамаем.

Такое войско, на которое они могли рассчитывать, – это крымские тумены самого Кутлуг-буги, а также тумены Хаджибея и Дмитрия. Не исключено, что и другие эмиры – Хаджи-Черкес и Алибек, имевшие владения в Крыму, – могли их поддерживать против Мамаю.

Видимо, в отсутствие Мамаю Кутлуг-Буга объявляет Кильдибека «своим» ханом и во главе крымских туменов отправляется с ним к Торговице – летней резиденции Хаджибея, которая была избрана как плацдарм для войны с Мамаем. Здесь они соединяются с войсками Хаджибея и Дмитрия. Отсюда им было удобно контролировать ситуацию и по возможности напасть на ставку Мамаю в Кучугурах, которая находилась всего в трехстах километрах к юго-востоку от них. У мятежников имелся и «законный» хан Кильдибек.

«...Везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов». Судя по всему, о готовящемся мятеже Мамаю узнает, будучи еще в Сарае. Это было очень опасно. И он спешно покидает Сарай, и направляется к своей ставке в Кучугурах собирать войска. Но понимает, что не в силах справиться с мятежом в одиночку. В этой ситуации он и обращается к Ольгерду – великому князю Литовскому.

Их общение, увы, никак не подтверждено документально. Однако специалисты по ордынско-литовским отношениям полагают, что «при сложившейся расстановке политических сил в западной части Ордынской державы Ольгерд и Мамаю являлись естественными союзниками в борьбе против противостоявших

Преследование неприятеля. Миниатюра XIV в.

им группировок... ордынской знати Днепровского Правобережья, которая воспользовалась дестабилизацией центральной власти, чтобы образовать несколько самостоятельных владений, независимых от ханов, принимавших участие в борьбе за ордынскую столицу».²⁶ К сепаратизму были склонны и упоминавшиеся эмиры Крыма, где имелись их владения. Поэтому «частичное совпадение политических целей правителя Литвы и Мамаю подтверждают существование определенной договоренности об их взаимодействии и сферах властвования». В этих условиях

они становились союзниками. У них была общая политическая цель – уничтожение власти легитимных Джучидов.²⁷

Поэтому нельзя исключить, что Мамай после победы над Кильдибеком, предошущая свою возможную неудачу в борьбе с Мюридом, успел, будучи в Сарае, выдать осенью 1362 г. Ольгерду так называемый ярлык на пограничные с Литвой земли от имени «своего» хана Абдуллаха.²⁸ После этого он отправляется в свою новую ставку в Кучугурах и спешно собирает войско.

Дальнейшие действия союзников легко объяснимы. Ольгерд и Мамай каждый со своей стороны готовятся к походу против мятежников, собравшихся близ Торговицы. Матей Стрыйковский, оставивший единственное описание этого сражения, пишет, что *«Ольгерд, заключив на два года соглашение о мире с прусскими и ливонскими крестоносцами, отправился в поход в Дикие поля против татар. С ним отправились также четыре его племянника, сыновья новгородского князя Кориата княжичи Александр, Константин, Юрий и Федор».*

Такая обстоятельная подготовка не могла быть тайной для Кутлуг-буги и его «братьев» – они ожидали противника, ибо, когда литовцы, *«...миновав Канев и Черкассы, дошли до урочища Синие Воды, то увидели в поле большую татарскую орду с тремя царьками, разделенную на три отряда. Один отряд вел султан Кутлубах, второй возглавлял Качибей-Керей, а третьим командовал султан Димейтер».*

Мамай же, со своей стороны, по договоренности с Ольгердом также выступил с войском из Великого Луга и направился к Синим Водам. И подоспел. Именно его вмешательство оказалось неожиданным, потому что, когда *«...татары с неистовым рвением начали бой, засыпав литву густым железным градом из луков...»*, он внезапно напал на *«большую татарскую орду»* своих противников с тыла. И началась паника – *«...татары начали мешаться и испуганные бежать в обширные поля... На побоище остались убиты... очень много мурз и уланов. Также везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов».*

Таким образом, Ольгерд с Кориатовичами и Мамай разбили своих противников при полном взаимодействии. И если рассматривать Синеводское сражение «ордынскими глазами», то оно

оказывается лишь одной из бесчисленных схваток и семейных разбирательств ордынской аристократии в месиве «Замятни» – в данном случае с привлечением внешнего союзника. Мамаю это блестяще удалось сделать – он устранил конкурентов, можно сказать, чужими руками.

В результате в его безраздельном владении оказались не только сам Крымский улус, но и все степные территории Причерноморья до низовий Днестра, возможно – включительно. Пределы этой территории для первой половины 1360-х гг. с востока и запада отчетливо маркированы монетами его «личного» хана Абдуллаха.

Впрочем, к западу от Днестра, в Старом Орхее (Шехр-ал-Джедид) и в Костештах им предшествуют монеты Кильдибека. Это может означать, что Кутлуг-буга вместе Кельдибеком после поражения на Синих Водах бежали именно сюда, во владения Дмитрия, который приютил своих «братьев» по несчастью.

«Кутлуг болсун» (غلتق / وسلوب ن) – «Будь счастлив». Преследуя противника *«...со своими войсками до Борисфена (Днепра) и его устья, он (Ольгерд) уничтожил все укрепления татар и трех их князей Кадлубаха, Дмитрия и Качибея... войском своим уничтожил, разбил и разогнал: одних – дальше реки Танаис (Дон), другие – дальше Тираса (Днестра), до Добруджи до самых степей, которые Добруджською ордой называются, обрекая на изгнание»*, – пишет Станислав Сарницкий в «Описании старой и новой Польши» (1585 г.).²⁹

Отступление трех побежденных князей «дальше реки Танаис» никакими иными сведениями не подтверждается. Хотя возможно, что имеется в виду возвращение «Мамаевой орды» в Кучугуры, за Днепр. Зато их бегство «дальше Тираса, до Добруджи», в пределы улуса эмира Дмитрия-Темира, подтверждается нумизматически – это, как уже говорилось, монеты Кильдибека, чеканенные в Янги-шехре (или Шехр-ал-Джедиде) в 765 г. х. (1363/1364 гг.), начало кото-

Монеты. Кильдибека

рого приходилось на 10 октября 1363 г. В том же году хиджры, кончавшемся 27 сентября 1364 г., монеты Кильдибека сменяются здесь монетами Абдуллаха.

Получается, что Кутлуг-буга вместе с Кильдибеком правили в Шехр-ал-Джедиде (с эпитетом «ал Махруса» – «Богохранимый») и его округе около одного года. Единичные экземпляры таких же монет найдены в Костештах и Белгороде.

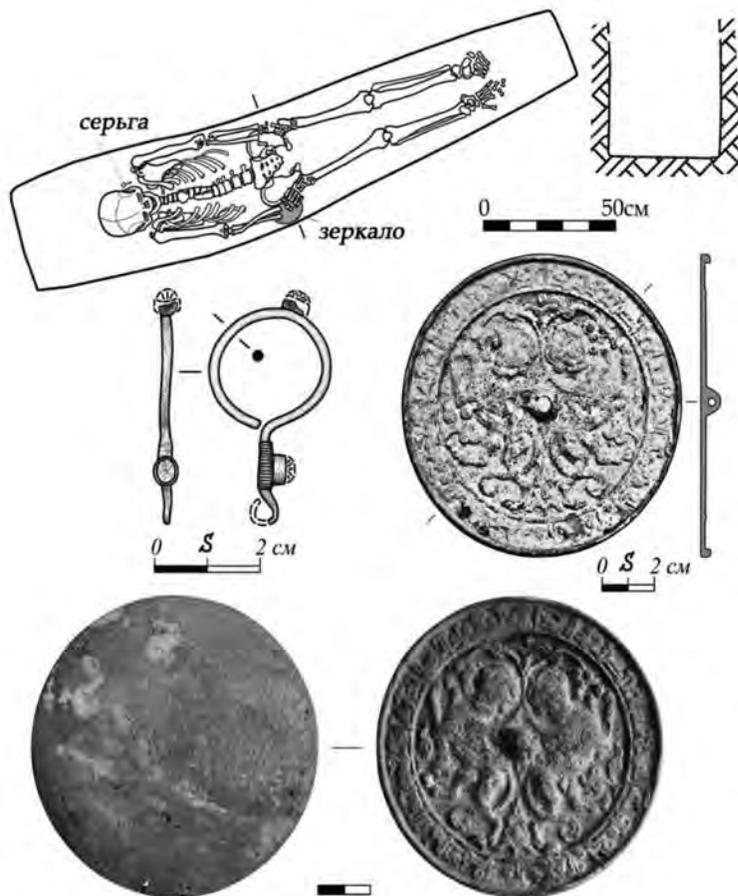
Это же означает, что Кутлуг-буга как первое лицо после своего хана Кильдибека контрамаркировал от своего имени надпечатки «*Кутлуг болсун*» на «старых» монетах ханов Токты и Узбека в самих Костештах после 1362 г., которые, видимо, стали тогда его личной ставкой. Такая резиденция ему, наверное, полагалась как беклярибеку Кильдибека. Впрочем, поскольку само имя «Кутлуг» значит «благодатный», «приносящий счастье», то такая надчеканка в смысловом переводе обозначает благопожелание «*Будь счастлив*».³⁰ Что конкретно имел в виду эмир Кутлуг-буга, используя именно такой штампель, сказать трудно. Вполне возможно, что он вкладывал в него и тот, и другой смысл.

Но, скорее всего, это происходило не от хорошей жизни этих беженцев. Ведь по обычной ордынской технологии монеты чеканились на округлых заготовках, изготовленных из расплюсченных обрубков медных прутков. Или же на обрезках медных листов, часто имеющих многоугольную форму, следствие обрезки. Остается предполагать, что в распоряжении Кутлуг-буги и его ремесленников просто не имелось достаточно меди. Поэтому для маркировки своим штампелем ему пришлось использовать «старые» монеты предыдущих эмиссий.

Не в лучшем положении оказался и Ябу-городок, который вместе со своим наместником – эмиром Хаджибеем – тоже вынужден был весьма поспешно отступить к нынешнему одесскому побережью и низовьям Днестра. Его изрядно поредевшее, обнищавшее и, видимо, деморализованное население оставило здесь после себя красно-желто-ленточную «керамику нищеты», которая найдена на Ланжероне и Приморском бульваре в Одессе.

Им уже не суждено было вернуться к Торговице, и оставалось лишь и зимой, и летом кочевать вдоль черноморского побережья

от Днестра до Днепра. Судя по всему, местом летней ставки для Ябу-городка эмир Хаджибей избирает именно днестровские плавни как хорошо защищенное природой место, примыкавшее, к тому же, к владениям его «брата», эмира Дмитрия. Подтверждением тому может являться погребение второй половины XIV в.

Погребение подруги Хаджибея

у с. Глинное на Нижнем Днестре. Оно как бы маркирует новую ставку Хаджибея после Синих Вод.

Умершая молодая женщина входила, по мнению авторов публикации, «в близкий круг лиц окружения этого властителя».³¹ Можно видеть, что, несмотря на плачевное положение своего Ябу-городка, Хаджибей решил достойно ее похоронить. Она вполне могла быть его женой или дочерью. И, судя по всему, любимой.

Инвентарь в погребении довольно изысканный. У левого виска умершей находилась изящная серебряная серьга в виде знака вопроса, а у правой руки – литое позолоченное зеркало, на тыльной стороне которого изображены два сфинкса. Здесь же надпись, нанесенная шрифтом «процветший куфи», которая содержит благопожелания, исполненные ритмизованной прозой – садж (араб.: *ع-ج-س*). Скорбящий эмир желает усопшей «*славы и долголетия, достоинства и великолепия, возвышения и хвалы, могущества и почета, достояния и прибытка, силы и многих благ обладателю* [этого зеркала]» в начинающейся после смерти новой, бесконечной жизни. Такие слова, имеющие довольно размытые и пересекающиеся значения, создают некий семантический орнамент, который высоко ценился средневековыми стилистами. Это характеризует Хаджибея как человека с хорошим и, пожалуй, утонченным вкусом.

Значит, дела Хаджибея после Синеводского крушения оказались не столь уж безнадежными. Судя по всему, он сумел как-то договориться со своим племянником (или сыном?) Мамаем. Посемейному. Но это уже другая история.

Примечания

²⁰ Цит. по: Талах В., сноска 636.

²¹ Там же, сноски 637-639.

²² Григорьев А. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VII. – Л., 1983.

²³ Талах В. Указ. соч., сноски 642-646.

²⁴ Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник СПбУ, сер. 2, 2003, вып. 4 (№ 26), с. 22-29.

²⁵ Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costești-Gârla, în Simpozion de Numismatică, Chișinău, 26-28 noiembrie 2003, Comunicări, studii și note, Editura Enciclopedică, București.

²⁶ Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наукова думка, 1987, с. 62.

²⁷ Господаренко О. Литовсько-ординські стосунки у 50-70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамаєва. – *Ukraina Lithuanica*. Т. III. – К., 2015, с. 23-24.

²⁸ Шабульдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамаєва на українські землі (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005, с. 100-122.

²⁹ Sarnicii Stanislai. *Annales siue de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum libri octo 1587* и в качестве введения к анналам: *Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo*. – 1585.

³⁰ Кушнер С.Б. Карпато-Днестровские земли как юго-западная периферия Золотой Орды (по данным новых монетных находок Костешского городища) // Исторический альманах Приднестровья. – Тирасполь, 2005, с. 77-82.

³¹ Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности. – Кишинев: Stratum, 2019, с. 275-290.

